

«Не ощущаю себя дивой»

Экстремальный режим Юлии Пересильд

ПОСЛАНИЦА часового бренда Rado, одна из самых востребованных актрис театра и кино, Юлия Пересильд рассказала о грядущей премьере в Театре наций, съемках в русских блокбастерах, благотворительных проектах и отношениях со временем.

— Юлия, мы с вами встречаемся в Театре наций. Вы здесь репетируете роль Катерины Кабановой в спектакле Евгения Марчелли «Гроза» по Островскому. Все готово к премьере?

— Пока у нас самый прекрасный период — творческого наслаждения друг другом, театром, материалом. Потом начнется выпуск, и нервов будет больше. Буквально вчера я смотрела последний спектакль Жени (Евгений Марчелли, худрук Театра имени Волкова. — Прим. ред.) — номинированную на нынешнюю «Золотую маску» «Чайку». Вернулась из Ярославля в радостном потрясении. Мне стало еще интереснее репетировать «Грозу». Как у нас там все случится? Пьеса ведь очень непростая. С одной стороны, хрестоматийная, с другой — хочется из нее уже что-то новое получить. Выжать еще хотя бы одного вкуса сок.

— У вас были пробы на роль Катерины?

— Как таковых не было. Я очень давно хотела поработать с режиссером Женей Марчелли. И знала, что Женя Миронов хотел. Все сложилось в одну секунду. Честно вам скажу, я не ожидала, что ставить будем именно «Грозу». Никогда не была, скажем так, поклонницей Островского. Куда бы я ни приходила учиться, всюду говорили про двух великих людей, Островского и Кустодиева. У меня выработался стойкий иммунитет к обоим. Сейчас включилось внутреннее противоборство — я должна найти свою Катерину. А не ту, которой все ожидают и думают, что знают, какая она должна быть.

— У Марчелли репутация радикального интерпретатора классических текстов. Как вы относитесь к его стилю?

— Замечательно отношусь. Видела спектакли — и «Пьесу без названия», и «Фрекен Жюли», и «Короля Лира», сейчас вот «Чайку». Это все такие перевертыши классики. «Грозу» мы тоже во все стороны пытаемся «раскрутить». Конечно, внутри меня живет страх — можно ли так и вот эдак. Но после просмотра «Чайки» я для себя решила, что буду доверять режиссеру абсолютно.

— Почему?

— Для меня это была первая «Чайка», в которой придумки были не ради придумок. Они для того, чтобы понять, про что эта история сегодня. И чтобы рассказать эту самую историю.

— Судя по вашей театральной биографии, вы не боитесь радикальных экспериментов. Вы, например, работали с Кулябиным задолго до истории с «Тангейзером», «Тремя сестрами» и т. д.

— Мы с Тимой однокурсники. И наша совместная работа, спектакль «Электра», конечно, не случайность. Сейчас часто ведутся разговоры о границах интерпретации классики. Так вот я вообще не думаю о том, что можно переступить, а что нельзя. Важно же ведь другое — талантливо или не талантливо. Главное — рассказать историю так, чтобы было интересно.

— История Катерины, на ваш взгляд, может быть интересна сегодня?

— Интересно понять, почему сегодня должно быть жалко Катерину. Вот кто она: сумасшедшая, которая взяла и закончила жизнь суицидом, или женщина, которая не может в этом мире найти любовь? С кем у нее конфликт? С собой? У меня столько вопросов к ней. Должна сказать, я только начинаю в нее влюбляться. Пожалуй, со мной такое впервые. Я ищу способ, как мне подключиться к этой истории.

— А есть в героине что-то близкое вам? Может быть, страстность?

— Наверное, момент принципа. Катерина, с ее количеством энергии, может вообще все. Но она не может переступить через себя. Это вопрос честности с собой и Богом. Для меня Катерина — она такая... немножечко Гамлет. Другой вопрос, что она женщина, для нее катализатором всего становится любовь. Есть какая-то американская песня: «Когда ты хочешь встретить на пороге любовь — открывай двери. Перед тобой появятся два карлика. Это будут отчаяние и безысходность. И все-таки когда к тебе постучится в дверь любовь, двери стоит открыть».

— Катерина будет еще одной сложной героиней, которую вы играете на сцене и в кино. Вам никогда не хотелось чего-то более простого, радостного? Может быть, комедий?

— Не поверите, недавно перед спектаклем «Фигаро» (режиссер Кирилл Серебренников, Театр наций. — Прим. ред.) я Жене Миронову предложила: «Ну давай уже комедию какую-нибудь?» Он мне: «Мечтаю о целом сезоне комедий. Где только режиссеров взять?» Но если честно, я все-таки тяготею к драме. Комедия — это очень страшно. Здесь сразу видно, победил ты или проиграл.

— Можете пояснить?

— Если зритель не смеется, значит, у тебя ничего не сложилось. В общем, это даже на первом этапе репетиций становится понятно. Сошелся ли ты чувством юмора с режиссером, с партнерами. Но это я говорю о настоящих комедиях, а не об антрепризных пустышках.

— Вы могли бы сыграть в антрепризе за большие деньги?

— Ну только если бы что-нибудь страшное случилось в моей жизни и срочно понадобилось бы деньги. Я верю Николаю Васильевичу Гоголю. Его «Портрет» — очень серьезное произведение. Нужно отдавать себе отчет в том, что если ты продаешься, то где-то у тебя в жизни отнимется. У меня самой ничего нет — ни заводов, ни производства, ни родственников-миллиардеров. Ничего, кроме моего имени, которое я себе заработала сама.

— У вас есть имя. И вы могли бы войти в штат любого театра. Почему вы этого не делаете?

— По той же самой причине. Войти в штат — тоже в какой-то степени купля-продажа. Для чего? Для страховки, какого-то спокойствия? Я не хочу спокойствия. У меня в Театре наций четыре года не было премьер. Зато за эти четыре года я смогла поработать в Театре на Малой Бронной. И в кино. Я чувствовала себя свободной. Я вообще очень

ценю все, что не подписано кровью, не заштамповано. То, в чем есть легкая зыбкость. Потому что когда появляется чувство уверенности, мне кажется, перестаешь гореть. Становится скучно.

— Это «правило» только на работу распространяется? Или на любые сферы жизни?

— На любые. Я могу, например, сорваться и улететь с ребенком на один день в Берлин. Просто потому, что так чувствую. Люблю существовать в экстремальном режиме. Люблю. Вот мне так хорошо.

— В интервью вы часто называете Театр наций домом. Что есть в нем такого, чего нет нигде больше?

— Начнем с того, что в этом театре есть Женя Миронов. Люблю его безмерно! Он многому меня научил, в том числе и в жизни. Я четыре года у него ничего не репетировала, а потому точно знаю, что его приглашение сыграть Катерину никак не связано с нашей дружбой. Я должна каждый раз доказывать ему, что я что-то собой представляю. И я этому безмерно рада. Нет вот такого: вот Юлька, она наша, будет везде у нас играть, надо, не надо — бу-

дет она. Или тот факт, что мы с Пашкой Акимкиным и всеми нашими друзьями-однокурсниками можем к нему прийти и забабхать музыкальный спектакль. У нас уже идут здесь и «Фарс-мажорный концерт», и «Песни военных лет». Уверена, если мы предложим Жене какую-то интересную работу, у него даже не возникнет вопросов. Интересно — делайте.

— В ваших партнерах в театре числятся и Евгений Миронов, и Чулпан Хаматова.

— Может быть, я уже много раз это говорила, но и Женя, и Чулпан для меня учителя. Чулпан, безусловно, проводник на территорию благотворительности. Женя — по многим и совершенно разным жизненным пунктам. А сама я немножко губка, впитываю в себя все, что вижу вокруг талантливого, умного, глубокого. Стараюсь не потерять это качество.

— Но медиа диктуют свои правила. Успех, связанный с вашей кинокарьерой, он разве не давит? Не заставляет вас, возможно неосознанно, вести себя иначе?

— Задирать нос у меня нет повода. Наверное, меня легко достать. Когда тебе на личной страничке начинают писать: «Ну и как вы занимаетесь благотворительностью, лицом светите?» Или: «Ну что, давайте встретимся где-нибудь, вы же не на метро поедете, а на «Мерседесе»? Нет, на метро, у меня даже карта «Тройка» есть. Вот такие вещи меня обижают. Потому что я совсем не тургеневская барышня. Я трудоголик. И ни в чем не ощущаю себя дивой. Играть в это, конечно, люблю. Прекрасно себя ощущаю в этом образе на сцене, в кино. Но не в жизни.

— Театр и кино занимают равноценное место в вашей жизни?

— За последние годы было больше кино. И фонда «Галчонок». Меня часто спрашивают, в чем разница между кино и театром. Очень хорошо сказал мой друг — в театр надо приходиться «подремонтничаться». Кино все-таки очень часто пользуется наработками театра. На сцене ты можешь одну и ту же роль интерпретировать много раз. В кино нужно каждую секунду выдавать результат. То есть каждый кадр как последний.

— Российское кино сегодня принято ругать. А что думаете о нем вы?

— Пускай меня заплюют оппозиционеры, но я не считаю, что все так критически плохо. Такие картины, как «Рай», «Викинг», «Дуэлянт», «Экипаж», та же «Битва за Севастополь»... почти каждую неделю выходят достойные премьеры. Они конкурентоспособны, прокатоспособны. Есть Звягинцев, наконец.

— Вы не считаете, что русское кино пытается быть похожим на американское, а русский театр — на западный театр?

— Мне кажется, у русского театра как раз свой путь. Он может пытаться стать по-

ЧАСЫ RADO CERAMICA, ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНАЯ КЕРАМИКА